

— Ты сколько времени уже домой не заглядывал?

— Пап, ну пап...

— Не надо мне тут «пап-пап». Завтра состоится торжественный банкет, твоя мать хочет, чтобы ты пошел с ней.

Каждый год в высшем обществе проходит грандиозный прием, приглашения на который получают лишь избранные, соответствующие определенным критериям. Однако Цзинь Лэ ни разу его не посещал — атмосфера подобных мероприятий была ему глубоко чужда.

В этот раз госпожа Цзинь решила пойти лишь потому, что одна из дам намекнула ей, будто её сын не умеет вести себя в приличном обществе и никому не нужен. Но сейчас Гань Цзинчэнь стал настоящим лакомым кусочком: не прошло и двух лет с основания его компании, как она вышла на первое место в стране по выручке. Как генеральный директор и выдающийся альфа, он, разумеется, стал самым желанным зятем для многих семей. А раз уж Цзинь Лэ и Гань Цзинчэнь теперь помолвлены, госпоже Цзинь не терпелось похвастаться этим перед остальными.

Цзинь Лэ, прильнув к груди Гань Цзинчэня, лениво протянул:

— Но... я не хочу идти. Может, ты составишь маме компанию вместо меня?

— Цзинь Лэ, это не просто банкет, это деловая площадка. Ты ведь можешь помочь Цзинчэню, понимаешь?

Могу помочь Цзинчэню?

Эта фраза заставила Цзинь Лэ призадуматься.

— Я понял, пап. Я приду!

— Ну что, что? Сын сказал, что придет?

— Придет, придет, — недовольно пробурчал господин Цзинь.

— Что это с тобой?

— Выданный замуж сын — как выплеснутая вода. Раньше я его как только не уговаривал, всё без толку. Но ты, жена, приглядывай за ним получше. Ты же знаешь своего сына, не допусти, чтобы он натворил дел.

— Не волнуйся, не волнуйся.

Стоило ей представить, как её сын стоит рядом с Гань Цзинчэнем — идеальная пара, — как она уже ликовала. Это заставит замолчать всех тех, кто вечно сплетничал о её сыне.

— Из-за этой истории с Ху И в последнее время о Лэ Лэ ходит столько слухов. Теперь я заставлю их всех заткнуться.

— Малыш, ты правда пойдешь на завтрашний банкет?

— Да! — Цзинь Лэ выглядел так, будто готов был свернуть горы.

Гань Цзинчэнь изначально не собирался идти, но раз Цзинь Лэ захотел, то он, конечно же, тоже будет там.

— Цзинчэнь еще не пришел?

— Он сказал, что на фирме возникли дела, будет чуть позже. Пап, мам, давайте пройдем внутрь.

Господин Цзинь обладал определенным весом в обществе, поэтому, как только они вошли, к нему тут же потянулись люди с приветствиями, а госпожу Цзинь тут же куда-то утащили. Цзинь Лэ, заскучав, сел на диван и принялся за пирожное.

Кажется, я и вправду ничем не могу помочь Цзинчэню.

Настроение немного испортилось, и он с досадой откусил кусок пирожного. *А ведь вкусное.*

— Ой, кто это у нас тут? Неужели это тот самый молодой господин Цзинь, чей жених сбежал с собственным слугой?

Цзинь Лэ неприязненно взглянул на подошедшего:

— Ты еще кто такой? С этой куриной гузкой на голове, просто идиот.

Омега, услышав такое, пришел в ярость.

— Не знаю, откуда взялся такой невоспитанный омега. Неудивительно, что твой альфа сбежал к другому. Ах да, ты же еще бесстыдно увиваешься за Гань Цзинчэнем, даже не понимая, что из себя представляешь.

Стоящий рядом омега тоже с презрением посмотрел на Цзинь Лэ:

— Ты правда думаешь, что Гань Цзинчэнь полюбит этот «второй сорт», от которого все отказались?

Не успел тот опомниться, как Цзинь Лэ швырнул в него бокалом. Стекло пролетело в сантиметре от лица. Омега смертельно перепугался, покраснел до корней волос и, тыча пальцем в лицо Цзинь Лэ, закричал:

— Цзинь Лэ, ты что творишь?!

Цзинь Лэ подбросил в руке еще один бокал:

— Хочешь анонс? Следующий бокал точно попадет тебе прямо в лицо.

— Как может существовать такой дикарь, как ты? Ты хоть знаешь, кто мой отец?!

— Мне плевать, кто твой отец. Я не хочу устраивать здесь скандал, но если не хочешь истекать кровью, захлопни свою куриную пасть. Спасибо.

Цзинь Лэ понимал, что нельзя перегибать палку, и уже развернулся, чтобы уйти — иначе, следуя он своему прежнему нраву, он бы уже избил обидчика так, что родная мать не узнала бы. *Нельзя доставлять проблем Цзинчэню.*

Омега, побагровев от ярости, выхватил бокал из рук стоявшего рядом приятеля и швырнул его в спину Цзинь Лэ. Внезапно Цзинь Лэ почувствовал за спиной чью-то фигуру. Обернувшись, он увидел Гань Цзинчэня — тот стоял перед ним, держа в руке пойманный бокал.

— Цзинчэнь, ты пришел?

Цзинь Лэ сразу заметил, что Гань Цзинчэнь не в духе. Остальные омеги перепугались не на шутку: они не ожидали, что Гань Цзинчэнь появится так внезапно и поймает бокал с такой точностью. Отец того омеги, заметив неладное, поспешил вмешаться:

— Господин Гань, прошу прощения, мой сын не хотел этого делать.

Цзинь Лэ, глядя на реакцию окружающих и на бокал, который Гань Цзинчэнь сжал в кулаке так, что тот разлетелся вдребезги, начал понимать, что происходит. Он прижался к Гань Цзинчэню, словно испуганный олененок, и робко ухватился за его рукав. Гань Цзинчэнь тут же обнял его.

Цзинь Лэ, притворяясь напуганным, поднял взгляд на Гань Цзинчэня. *Боже, какой же мой мужчина красивый!*

— Не хотел? — Гань Цзинчэнь раздавил осколки стекла в пальцах. — Господин Ван, я надеюсь, вы дадите мне исчерпывающий ответ на этот инцидент.

Господин Ван обливался потом: в деловых кругах все знали, что ссориться с Гань Цзинчэнем себе дороже.

— Господин Гань, уверяю вас, это мой сын повел себя неподобающе, я приму самые строгие меры. Быстро, извинись перед ним!

Омега не смел даже взглянуть на Гань Цзинчэня и начал торопливо извиняться.

— Не передо мной.

Услышав это, омега посмотрел на отца. Тот сверкнул глазами, приказывая не спорить. Омега стиснул зубы:

— Молодой господин Цзинь, прошу прощения.

— Господин Ван, вы знаете, что нужно делать.

— Да, конечно, конечно!

Господин Ван поспешно увел сына. Остальные омега тоже поспешили ретироваться — теперь все поняли, какое место Цзинь Лэ занимает в сердце Гань Цзинчэня, и никто не осмелился больше судачить. В тот же вечер того омегу в спешном порядке отправили за границу. Господину Вану было жаль сына, но он не мог позволить компании, которую строил всю жизнь, рухнуть из-за одного проступка.

Господин и госпожа Цзинь, узнав о случившемся, поспешили проводить Цзинь Лэ. У всех пропало желание оставаться на банкете, и они засобирались домой. Видя, что Цзинь Лэ даже не думает ехать с ними, родители лишь покачали головами. *Ну и негодник.*

— Цзинчэнь, тогда побеспокою тебя, присмотри за моим Лэ Лэ.

— Не волнуйтесь, госпожа Цзинь.

Как только они сели в машину, Цзинь Лэ приуныл.

— Что такое, малыш? Напугался?

Цзинь Лэ, помедлив, поднял взгляд на Гань Цзинчэня:

— У нас с этим Ху И ничего не было.

Гань Цзинчэнь вопросительно посмотрел на него, и Цзинь Лэ, встретив его взгляд, неожиданно расплакался:

— Я не «второй сорт», я был чист, никто и никогда не ставил на мне метку, я не «второй сорт»!

Он говорил это, и ему становилось всё больнее. Он не боялся тех омег, не боялся дать им отпор — он мог ответить им вдвойне. Но он до смерти боялся, что Гань Цзинчэнь поверит этим слухам, побрезгует им и бросит. Без Гань Цзинчэня он просто погибнет, правда погибнет.

Гань Цзинчэнь крепко обнял его, чувствуя, как сжимается сердце:

— Малыш, не плачь, ну не плачь.

— Ик... я... правда, ничего не было.

Гань Цзинчэнь поцеловал его в уголок глаза:

— Малыш, неужели я могу не знать, был ты с кем-то или нет? Ты правда думаешь, что в этом мире есть кто-то, кто знает твое тело лучше меня?

Цзинь Лэ о чем-то вспомнил, его лицо залилось краской, а слезы постепенно высохли. Видя, насколько Цзинь Лэ неуверен в себе, Гань Цзинчэнь принял решение.

<http://bllate.org/book/22442/2358260>